Вместо предисловия

Предполагается, что в предисловии автор должен кратко объяснить, о чём, собственно говоря, книга?

Чтобы получить полный и развёрнутый ответ на этот вопрос, нужно прочитать книгу. Ну а если не прятаться за спасительную формулу: «Читайте повесть, там всё написано»? Если не прятаться — тогда, наверное, станут понятными мои сетования на то, что писать предисловие тоже трудно.

Начав писать книги, я переработал огромное количество архивных и музейных материалов, исторической и другой литературы, которые могли мне пригодиться в работе. Что-то пригодилось, а многое так и лежит мёртвым грузом, пропадая зря.

Вот я и подумал, отчего не поделиться, а то ни себе, ни людям.

Что-то из этих сведений и моих размышлений вам, возможно, и так известно. Но что-то, возможно, удивит, обрадует или напугает, или заставит задуматься — как в своё время меня.

С некоторых пор я начал ощущать свой возраст и стал чувствителен к быстротечности времени. Боюсь я не смерти, а старости. До старости мне ещё далеко, и я относительно здоров. Единственно, в чём я стал деградировать, это память. Благодаря ей, я легко приобретал знания, в том числе много ненужных. Всему этому я не разучился и сегодня, но кладовые моей памяти переполнены, я стал запоминать труднее и легче забывать. У меня появилась шуточная присказка: «Не так долго осталось жить». Хотя вряд ли кто-нибудь понимает,

какое нешуточное содержание я в неё вкладываю. Мне надо многое успеть, пока я ещё в форме и не окостенел. Было бы, впрочем, неверно сказать, что какие-то периоды прошли для меня без следа и пользы, жизнь всегда чему-то учит, теряя одно, мы неизбежно приобретаем нечто другое, и я понимаю, как много для меня дали эти годы. Но поторапливаться надо, и это обязывает меня к жёсткой организованности, щажу я себя ровно настолько, насколько это необходимо для восстановления энергетических затрат.

Итак, пишущий эти строки определился.

Меня всегда забавляло выражение «пишущий эти строки». Почему-то я представляю этого пишущего тощим испуганным человечком, выглядывающим из-за частокола строк, одной из тех комических фигурок, какие нынче принято рисовать на полях научно-популярных изданий. Однако деваться некуда, пишущему эти строки пришло время представиться своему гипотетическому читателю. Гипотетическим я его называю потому, что пишущий эти строки не собирался писать эту книгу, эти же строки, порождённые не столько писательским зудом, сколько воспоминаниями, набрасывались без какого-либо плана и ясного представления о том, кто их будет читать и будут ли их читать вообще. Пишущий эти строки даже пытался себя убедить, будто делает это исключительно для собственного удовольствия, но очень скоро догадался, что лукавит. Человек, пишущий только для себя, не заботится о том, чтобы быть понятным, достаточно того, что он сам понимает свой код. Да и нет ли в формуле «пишу для себя» какого-то коренного противоречия, мы пишем и говорим всегда для кого-то, и разве писать «для себя» не такое же безумие, как произносить речь в пустой комнате?

Она родилась сама по себе.

Мы не знаем всех последствий своих действий, как бы тщательно они, эти действия, ни планировались, и иногда представляем их тайной. А учёные называют это «незапланированным результатом» — никто не хотел, «оно само так получилось».

Вот я и хочу раскрыть в своём повествовании, как это бывает.

Моя работа располагает к размышлениям, и я снова и снова погружаюсь в мучительные раздумья.

Пустяки приобретают таинственный смысл. Там, где его не было изначально, он появляется позднее.

Наверное, книга в целом получилась грустной, хотя я надеюсь, что некоторые страницы заставят Вас, Уважаемый Читатель, и улыбнуться.

Так что до встречи на страницах книги, дорогой читатель!

ГЛАВА 1

МЫСЛИ ВСЛУХ

Создать мир проще, чем понять его.
Анатоль Франс

Вот я и подхожу к своему 75-летию: тот самый возраст, когда можно поразмышлять.

Я сам выбрал свой путь. И пришёл к результату, который предвидел как один из возможных. Почему я не стал менять свой путь? Каким образом сложилось это положение? Почему я поступал именно так? Как же устроен я, и как же устроен мир, и какой же в этом всем смысл? Где та система отсчёта, где чаяния и страдания человека увязаны с поступательным движением истории, в чём конечная цель и смысл этого движения? Как же создан человек и как же создан этот мир?

Если думаешь долго и добросовестно, то в конце концов всегда поймёшь. Просто мало кто хорошо думает.

Есть мир в человеке; и есть человек в мире, объемлющем всё, включающем в себя и человека.

Поэтому познать себя рекомендовали ещё древние философы. Мы познаём мир через себя и посредством себя. Через свои чувства и мышление, посредством своей нервной системы. Мы имеем дело не с миром, а со своими представлениями о нём.

Если ты плохо знаешь, плохо понимаешь себя — то ничего не поймёшь в этом мире. Потому что мир — это и есть ты. Всё, что только есть сущего, — как-то отражается в тебе. По этому отражению ты о мире и судишь. Каждый судит по себе. Нет ничего вернее банальных истин — они подтверждены временем.

Людям ведь свойственно приукрашивать себя, сообразуясь с моралью. А истина и мораль есть вещи разные. Поступать часто надо по морали, но думать верно возможно только по истине.

Конфуций был не совсем прав, когда утверждал, что благородный муж думает о морали, а низкий человек — о том, как бы получше устроиться. О том, как получше устроиться, думают все люди. И в этом многие видят счастье, разве не так?

Но и о морали забывать нельзя. Скорее всего, Конфуций имел в виду, что низкие люди думают **только** о том, как бы устроиться получше, а тот, кто записывал его высказывания, этим словом («только») пренебрёг.

Конфуций учил направлять свою волю на достижение правильного пути, помнить о морали, быть человеколюбивым.

Иногда, задумываясь о смысле нашей жизни, я не могу понять, почему Бог даёт нам душу, позволяет нам чувствовать, осознавать, любить и одновременно точно знать обречённость нашего положения. Как это несправедливо! Приговорив каждого родившегося к смерти, независимо от его дел и поступков.

Много говорят о нашем мозге...

Что такое есть мозг, если не деятельность наших серых клеток? Врачи научились менять сердце, почки, даже печень. А вот с мозгом ничего такого не получается. Или наша душа находится там? Может, разум и есть вместилище души? Тысячу лет разум и душу противопоставляли друг другу, считая, что это антиподы. Там, где говорит разум, молчит душа. И наоборот. Но без работы мозга тело оказывается лишь куском плоти.

Пандемия... Страх и уныние среди народа. И всё больше людей стали молиться. И в этом нет ничего неожиданного: в период испытаний любой народ обращается к Богу.

У каждого бывали минуты опасности, когда душа в мгновенном порыве рвётся ввысь. И даже если окаменевшие губы

при этом не шепчут: «Господи, помоги!», — об этом молит всё существо человека, осознавшего: «Только Он может спасти».

«Бог есть любовь» — читаем мы в Евангелии. Но Он не старик Хоттабыч, которого можно вызвать на встречу волшебным словом, молитва — не заклинание. Богу нужно не наше многословие, а наше сердце. Но Он не будет покорять его чудом или демонстрацией своего Всемогущества. Бог сам наделил человека свободной волей, и любя нас, чтит и её. Как в любых отношениях двух личностей, здесь единственным адекватным, сообразным ответом на любовь Бога к нам может быть только свободное волеизъявление нашей любви к Нему — таковы законы мироздания. Человек вроде бы и рад любить, да только не всегда хозяин своему сердцу, своим желаниям — «иные силы манят нас». Как говорится: и себя любить разучились, все грешим; и как других любить — позабыли. Вот и про Бога не вспоминаем, пока петух жареный не клюнет.

В момент опасности, когда душа стрелой летит к Господу, понимая: лишь в Нём спасение, — мы не только собираем все силы воедино. Происходит нечто не менее важное — мы мгновенно трезвеем, до нас доходит наша малость, немощность, зависимость от Создателя.

Это есть смирение.

Ожидая для себя милосердия, не оскорбляй Бога своей злобой. Святые люди предупреждают: «Если ты, человек, не прощаешь согрешившего против тебя, не утруждай себя постом и молитвой. Бог тебя не примет».

Техника прощения — тема отдельная. Стоит заметить: обиженность уносит нас в водоворот смуты, а малый подвиг прощения озаряет душу радостью, осеняет покоем.

И удивительное дело: человек, научившийся молиться, получает не только опыт прощения, но и дар незлобливости.

Плюс способность к самоконтролю, собранность. Поэтому и говорят, что молитва — это дар Божий. Но даётся он только молящемуся.

И как тут не вспомнить мудрый афоризм, принадлежащий германскому мыслителю XIX в. Георгу Лихтенбергу:

«Для оправдания человека достаточно, чтобы он жил так, что своими добродетелями заслуживал прощения своих недостатков»?

Добродетель — слово старинное, но не умершее, оно по-прежнему включает в себя ум, честность, смелость, верность. А за недостатки человек расплачивается сполна и, пожалуй, с лихвой всю жизнь.

Однажды я услышал от священника очень умную мысль. Его один человек спросил: за что, дескать, Бог меня так?.. А он ему ответил: «Не торопись принимать за наказание то, что, может быть, послано тебе во испытание... Знаешь, всем нам разные испытания назначает судьба. Наверное, в чём-то это определяется тем, кому что по судьбе сделать положено... Но лучше не думать об этом...»

Все, кто верит в Бога, знают, что Он всемогущ, справедлив и всеведущ, что не происходит на свете ничего, чего Он бы не знал.

А неверующие, рассуждая, иногда вопрошают к небу: «Как же ты допустил?»

Стоящие на грани богохульства от непереносимой боли люди, как правило, не дожидаются ответа, не замечают его. И как понять провидение — действует оно в наказание или во испытание?

Бог может всё, и, даровав людям свободу выбора, Он и сам выбирает — какую судьбу уготовить и верующим, и тем, кто даже не верит в его существование. Выбирает, перебирает...

Немыслимые, невероятные повороты иногда совершает судьба — такие, что поневоле начинаешь думать о провидении Божием...

В начале 80-х мало кто из советских людей предполагал, что великой империи осталось всего лишь десятилетие... Даже и те, немногие, кто предвещал скорый крах советской системы — не предполагал, что так быстро.

Какой бы полной и значительной жизнь ни была, всегда остаётся какая-то неудовлетворённость, какая-то подсознательная жадность жить, ощущение уходящей жизни.

И однако же, человек, который вечно стремится к чему-то новому, постоянно в ненасытной жажде новых приключений, новых дерзаний, новых страстей, — такой человек, несомненно, страдает от чувства неудовлетворённости. Это точно, от этого не скроешься.

Судьба. Её не обманешь, не задобришь, с ней не договоришься. Ты зависишь от авиамеханика и лётчика, когда садишься в самолёт, как от придурковатого лихача на дороге, который, перепутав красный свет с зелёным, врезается в твой автомобиль. Ошибаются хирурги, мухлюют фармацевты, под крышами домов зреют таящие смерть сосульки, в подвалах ждут своего часа гексогеновые заначки, бурлит отравленная водка, торчат загнанные в чьи-то стволы пули, натачиваются финки, выходят из строя тормозные колодки локомотивов...

И говорят: «С этим ничего не поделаешь. Вся жизнь — игра, азартная игра с судьбой, у которой всегда припрятаны тузы в рукаве». Казалось бы, стоит мысленно смириться с поражением, и тебе конец. Но не надо падать духом. Я часто бывал на грани поражения и всё же выскакивал. Благодаря чему?

«Ты же сильный», — говорил я всегда сам себе. Хотя сознавал, что одна только сила не делает меня неуязвимым. Требуется везение в придачу. Вот и надо положиться ещё и на удачу, не теряя веры в свою счастливую звезду.

Надо помнить, что на тебя рассчитывают. Ты не имеешь права обманывать тех, кому ты дорог.

Но пора возвращаться к действительности.

Марк Аврелий, римский правитель, пишет:

«Всё следует делать, обо всём говорить так, как будто каждое мгновение может оказаться последним.

...Самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой короткой. Ведь настоящее для всех равно, следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог отнять у меня то, чего я не имею?

Кто видел настоящее, тот уже видел всё бывшее и будущее... Всё однородно и единообразно.

...Время человеческой жизни — миг, ощущение — смутно, старение тела — бренно, слава — недостоверна, жизнь — борьба и странствие по чужбине, посмертная слава — забвение»*.

«Делай то, чего от тебя в настоящее время требует природа...» — говорил император, даруя свободу поверженным варварам. Решение победителя, простившего поверженных, скорее продиктовано не добротой, а опять же этим самым чувством естественности, чувством природы.

Смертельно заболев, никого к себе не допускает, чтобы не передать заразу, Марк Аврелий спокойно переносит адскую боль... и умирает.

«Представь, что ты уже умер, что жил только до настоящего момента, и оставшееся время жизни, как доставшееся сверх ожидания, проведи согласно с природой...»

Согласно с природой... Но где, в чём и как искать это согласие?

Ведь буквально всё, от бессмысленных границ Вселенной до мельчайших клеток его собственной жизни, всё пропитано одним и тем же соком. Как отыскать тут правильный путь? Как не заблудиться в самом конце?

Разумные люди всегда понимают, что живой объект не может существовать в изоляции, будь то народ, государство, индивидуум. Общение влечёт за собой взаимное обогащение, без которого немыслим прогресс.

Бывают мгновения, когда даже бесстрастному взору Разума печальное Бытие человеческое представляется подобным аду, но нашему воображению не дано безнаказанно проникать в сокровенные глубины.

Мораль — готовый продукт и вылежавшийся плод чужих размышлений.

Нет ни одной черты в человеке, которую он не может подвергнуть сомнению. Чтобы увидеть мир, надо сначала до ясности протереть зеркало, в котором этот мир отражается.

Естественно, что именно в юности, при выборе пути, человек пытается осознать своё предназначение: зачем он явился на этот свет? Потом эти мысли и движения души

---

* Наедине с собой. — 170 г. н.э.

обычно исчезают, сглаживаются — некогда: работать надо, семью кормить, купить что-то, карьеру строить.

А потом в старости сидит человек и думает: и зачем мне нужны были все эти мои труды и мучения? На тот свет ничего с собой не возьмёшь.

Но кто поумнее, отвечает ему: «Потому что человек должен делать в своей жизни самое большое, на что способен».

Кому полмира покорить, кому сад посадить, кому детей поднять — каждому своё. Мог ты сделать то-то и то-то, а вот не сделал. Не угадал своё предназначение. «Глуп был, слаб, — отвечает старик, — да и на кой черт оно всё, мир не переделаешь, суета сует, все помрём».

И вот как судить о человеке и его пользе, если нет единого мнения по вопросам, что это такое? Один видит пользу в удовольствии, другой — в здоровье и покое, третий — в общественном благе. Сначала надо понять всё — потом можно решать, как жить самому.

Хочется сказать: блажен понимающий, что происходит, когда не замутнённая посторонним, голая мысль бьёт тебя, словно электрическим током, и ты обретаешь речь. И тогда сами по себе, не нуждаясь в подборе, приходят на ум слова. Истина в своей простоте поражает тебя наглядностью. Оказывается, ты не знал многого о себе, как не знаешь многого остального, так знай, не пугаясь доступности, что всё постигаемо.

Находясь в квартире, я созерцал из окна окрестности. Не было ни злости, ни безнадёжности, ни страха. Скорее, я словно раздвоился: размышляя о происходящем и как бы потерявши собственную волю, желания, права, за всё на свете. Я понял, что верю: всё, что происходило и происходит со мной, — именно так, как я об этом думал. Жизнь частенько случается похожей на самый затейливый приключенческий роман.

«Самое страшное — попасть в поганую колею» — вспоминаю я чьё-то высказывание.

Понесёт по ней — вовек не выберешься.

Это размышление и сейчас навязчиво прокручивается какими-то, свободными от работы с окружающими впечатлениями, частичкой сознания....

«Все согласятся, что Жизнь — это великое и заманчивое приключение, — писал английский писатель Джон Голсуорси (1867–1933). — Мы лишь однажды берём билет до станции Неизвестность, лишь однажды пересекаем страну, именуемую Жизнь. Чем мы заняты в пути, что совершаем во время этого долгого или короткого странствия, зависит от склонности нашего характера, если мы научимся без страха смотреть в лицо Тайне и в то же время ощущать вечное движение Духа в подлунном мире — тогда наша Жизнь будет прожита недаром»*.

Иногда задаём мы себе вопрос. Что такое «смысл жизни»? А это категория сознания. Через осознание себя и своих действий, через осознание устройства мира и происходящих в мире процессов — человек обретает для себя какую-то Высшую Ценность, и осознание своей причастности к работе на эту Высшую ценность и есть для него лично смысл жизни.

Но придаёт чему-либо эту Ценность он сам! Это можно назвать «обретением смысла», а можно «нахождением смысла» — разницы тут нет никакой. Осознал смысл — есть он у тебя, не осознал — нет его у тебя. Потому что объективно, вне человека, никакого смысла не существует. Поэтому прожить — значит реализовать заложенные в человеке возможности. Это уже мало зависит от сознательной установки. Это уже природа, устройство, имманентное свойство, так сказать.

И чем больше человек за жизнь испытал всего — т. е. перечувствовал разного, сильного, всякого, — тем полнее была, субъективно, его жизнь. Вот к этому он и стремится.

Говорят, что зрелость — это возраст с 30 до 45 лет. Врачи отмечают: после 30 замедляется нервная реакция, уменьшается скорость сокращения и выносливость мышц, понижаются обменные процессы (это знают спортсмены). После

---

* Великие открытия и люди. — М.: ЗАО «Изд. Центрполиграф», 2013.

45 начинает уменьшаться рост за счёт межпозвонковых хрящей, ослабевает зрение, набирает ход атрофия и перерождение тканей, ослабевают функции органов и т. д. Человеку кажется, что по части мышления он ещё ого-го, но озарений больше нет и интеллектуальная выносливость уже не та. Хотя, конечно, есть исключения, но всё же.

Шекспир написал всё лучшее с 31 до 37 лет — от «Ромео и Джульетты» до «Гамлета», Дюма написал «Трёх мушкетёров» в 42, Толстой «Войну и мир» — с 35 до 40, Шопенгауэр завершил «Мир как воля и представление» в 32, Ницше написал всё до 45, Спиноза в 45 умер.

Французскую революцию делали 30–40-летние люди. Наполеон был владыкой Франции и Европы с 30 до 46 лет.

Но почему во многих странах высшие должности разрешено занимать после 30 или даже 35 лет? А в древнем римском сенате возрастной ценз был определён выше 40 лет? Ясно: опыт, благоразумие, взвешенность. А когда речь идёт о судьбах страны, требуется максимум рассудка при минимуме эмоций — это гарантирует разумность и стабильность.

Марк Алданов (1876–1957), покинувший Россию после Великой Октябрьской революции и написавший в 1926 г. роман «Святая Елена, маленький остров», сообщает нам следующее.

«Итальянский маркиз, флорентиец, проездом из Бразилии остановился на острове Св. Елены и попросил гофмаршала Бетрана представить его императору Наполеону (после свержения сосланного на остров святой Елены). Наполеон его принял и у них состоялся разговор.

После небольшой вступительной беседы Наполеон перешёл на политические темы и вскользь заговорил об Александре I. Рассказал, к слову, как в 1807 г. царь просил его пожаловать высокую награду генералу Беннигсену, а он отказался наградить русского главнокомандующего, ибо ему противно, что сын просит награды для убийцы своего отца. Описал, как Александр изменился в лице, поняв из прозрачного намёка причину отказа...

Сказал, что Россия рано или поздно потеряет Польшу, что она вряд ли удержит Финляндию и никогда не получит Константинополь. Сказал, что все другие завоевания царей не стоят ломаного гроша и что даже сама Россия рано или поздно пойдёт к чёрту по вине какого-нибудь сумасшедшего деспота.

Позже, в разговоре с придворными, зашёл разговор: можно ли было предотвратить французскую революцию?

— Трудно было, очень трудно, — ответил после некоторого молчания Наполеон, — следовало убить вожаков и дать народу часть того, что они ему обещали... Революция — грязный навоз, на котором вырастает пышное растение. Я овладел революцией, потому что я её понял. Я взял из неё всё, что было в ней ценного, и задушил остальное. Заметьте, я сделал это, не прибегая к террору. Править при помощи несчётных казней, как Робеспьер, может не очень долго каждый дурак. Но вряд ли кто, кроме меня, мог успокоить Францию без гильотины. Вспомните то время. Тысячелетняя монархия пала в прах... всё было сокрушено, уничтожено, испачкано. Я поднял свою корону из лужи.

Он задумался.

– Да, революция — страшная сила, так как велика ненависть бедняка к богачу... Революция всегда делается ради бедных, а бедные-то от неё и страдают больше всех других. Я и после Ватерлоо мог бы спасти свой престол, если бы натравил бедняков на богачей. Но я не пожелал стать королём жакерии... Я наблюдал революцию вблизи и потому её ненавижу, хотя она меня родила.

Порядок — величайшее благо общества. Кто не жил у нас в 1794 году, кто не видел резни, террора, голода, тот не может понять, что я сделал для Франции. Все мои победы не стоят усмирения революции...

...Ему представился день коронования, собор Notr Dame de Paris. Он хорошо знал этот страшный средневековый собор. Помнил его запущенным. Опустошённым, грязным, каким он был в революционные годы: внутри веселилась чернь, тёмные вековые стены осыпались, статуи

наверху были повреждены, разбиты... Потом и в церкви, как во всей стране, восстановили порядок... В тот день, в день коронования, орган гремел в горевшем огнями соборе, стены домов города тряслись от крика: “Да здравствует император!”»*

Мы часто повторяем: «История учит». Учит, как надо, а как не надо, что хорошо, что плохо? Да, может, и учит, да толку-то. Внутри себя человек может быть сколько угодно честным и правильным, справедливым, а обстоятельства постоянно заставляют его поступать против совести и убеждений.

Может, права такая невесёлая шутка: «Трудно быть человеком — люди мешают».

К 400-летию дома Романовых был показан документальный фильм «Романовы: мистика царской династии». Причины гибели династии авторы ищут не только в событиях начала XX века, но и во всей предыдущей истории трёхвекового правления Романовых. Жестокая борьба за трон и власть лишала их жалости к самым близким. Многие годы семья старалась держать свои тайны внутри дворцовых стен. Но это знание тяжёлым грузом легло на плечи последнего российского императора Николая II и отчасти предопределило печальную участь царской семьи. Говорят, Николай II верил, что погибнет именно в 1918 году. На это указывали предсказания, полученные им в разные годы. Похожие пророчества оставили святой Серафим Саровский и прадед императора Павел I. Ещё в XVIII в. он раскрыл в письме тайну конца рода, его завещание было адресовано именно Николаю.

«Мы, дети победителей величайшей из войн, волна демографического взрыва — сорок шестой – пятидесятый годы рождения — самое многочисленное поколение за всю историю страны, — пишет Михаил Веллер реквием ровесникам. — Мы, брюзги, неудачники. Мы, чьи лучшие рабочие годы — с двадцати пяти до сорока — ушли водой в песок, погрязли в болоте, ухнули в бездонную пропасть, в жизнеподобную пустоту непереносимо фальшивого

---

* *Алданов А. М.* — Современник, 1991.

фанфарного пения: оно скребло своей наглой фальшью нервы, и мы стали истеричны, оно разъедало душу, и нам уже нечем стало верить во всё хорошее и честное.

Но мы были! Мы мало знали, ещё меньше понимали, но верить умели, это было у нас в крови, — нет, сомневались, издевались, но верили. Что было, то было — верили. Верили: в добро, в справедливость, в честность, в правду».

О Петре I. До чего расходится подлинная правда его жизни с официальной правдой казённых историков. Вчитываясь в документы эпохи, всматриваясь в изумительные страницы подлинной истории того времени, всё время испытываешь острое удивление: до чего не похожа вся жизнь Петра на то, что принято о нём думать и считать бесспорным! Даже пушкинские слова о Петре — «то академик, то герой» — ни в какой мере не определяют этого огромного, сумбурного, суетливого, могучего, болезненного человека, ибо Лев Толстой не очень деликатно, но не без серьёзных оснований назвал его «беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем»*.

По сведениям, Пётр занимался всеми мыслимыми и немыслимыми делами в государстве. И возникает вопрос: до чего же суетлив был этот человек. Лишённый выучки, не умеющий даже писать как следует, он с налёта, как-то нахрапом, кидается на изучение геометрии, то на хореографию, то учится играть на барабане, то изучает навигацию. Искусство приготовлять фейерверки, устройство ассамблей и маскарадов, тушение пожаров, столярное дело, хирургия — всё вместе и ничего в отдельности захватывает, увлекает этого всегда спешащего, капризного человека. Отрубить голову собственной рукой и, выпив рюмку водки, заняться составлением регламента для маскарада. Изнасиловать при всех женщину и как ни в чём не бывало пойти в церковь и петь там на клиросе. Убить собственного сына и сразу вслед за этим торопиться на весёлый пир. Всё это было для него делом обычным и естественным.

---

* *Толстой Л.* ПСС. Т. 26. — М., 1936. — С. 567.

Он не знает различия между добром и злом. Всё вместе, всего понемногу валит он в общий котёл. Там видно будет. После разберёмся!

Где уж тут говорить о той простоте, которую определяет В. О. Ключевский? Буйная смесь разных противоречий — вот основное качество психики Петра.

В детстве Пётр был настолько хилым ребёнком, что ещё в три года приходилось кормить его грудью. Никаких особых способностей в детстве он не проявлял. В одиннадцать лет он ещё не умел ни читать, ни писать.

Детские забавы Петра с потешными солдатами не имели того серьёзного значения, которое им пытаются придать впоследствии.

В шестнадцать лет он, правда, знает два первых правила арифметики, но писать как следует так и не научился до конца своих дней.

Если так мало похож внутренний облик Петра на то шаблонное представление, которое дают официальные историки, то так же мало похож на этот шаблон и его внешний облик. По описанию Полтавского боя у Пушкина памятны нам строки: «Из шатра выходит Пётр. Лик его ужасен. Движения быстры, он прекрасен». В описании отличаются лишь слова об «ужасном лике». Ничего подобного той мужественной красоте, гордому выражению лица, стройной и величавой фигуре, которую увековечили художники, понимавшие, что самодержцев всегда надо рисовать красивыми, в действительности не было. Все говорят об уродливости его гримас, о судорожных подёргиваниях, о дрожащей голове, о сгорбленной спине.

Очень много болезненного надрыва, издевательства над собой и кощунства было в характере Петра. Суровость Петра проявляется не только в моменты вспыльчивости. И в спокойном состоянии его приговоры поражают жестокостью.

Историки, словно сговорившись, приписывают Петру все заслуги развития России: и в культуре, и в кораблестроении, и реформе костюма, хотя это делалось уже при его отце Алексее Михайловиче и об этом есть достаточные сведения.

Поэтому судить о нём как о творце я затрудняюсь, а подражателем он был. Все его реформы привезены им с Запада. Его заслуга, видимо, в том, что проводил он эти реформы решительно и даже жестоко.

Помещики же того времени крепко держались принципа: «Крестьянину не давай обрасти, но стриги его, как овцу, догола».

Дальше этой мудрости не пошёл и всероссийский помещик Пётр Великий, так гордившийся тем, что он не лодырь и расточитель, а подлинный и будто бы рачительный хозяин.

Трудно дать всему этому оценку. Ибо до сих пор идёт спор о русской будущности и русской старине. Её видят и так, и сяк, а спор этот — отголосок давней распри о том, куда должна идти Россия — на Запад или на Восток.

Одни отстаивают идею национального своеобразия, толкуют об исторической ошибке и необходимости историю повернуть, пока не поздно, вспять, вернуться к развилке, когда не той дорогой пошли, и сделать наново правильный выбор и распоследними словами поносят Петра Романова. Другие предостерегают от увлечения славянофильством, в котором, справедливо или нет, указывается определённое сектантство.

Но первые неумолимы. Они никакой правоты Петра не признают. Они имеют свой взгляд.

Мы, русские, взяли на себя непосильную ношу, когда приняли православие вслед за дряхлой и слабой Византией и отгородили себя от европейской цивилизации. Византийская религия нежизнеспособна и совершенно не приспособлена для какого бы то ни было развития. Однако молодая и бодрая Русь сумела переплавить эту мистику, преобразовать в мощнейшее созидание и поставить православие на службу собирания азиатских земель. Православие у русских было совершенно иным, чем у византийцев. Никон же отринул всё самое крепкое, что было в народе, и заменил аскетичное двуперстие дряблой и женственной щепотью. Его реформа не только расколола общество, она загнала в подполье

наиболее сильных и энергичных людей и открыла дорогу для трусов и приспособленцев. Она расплодила суеверие, презрение к обычной прозаической жизни, к накоплению и честности. Раскол часто сравнивают с европейской Реформацией, но ничего похожего между ними нет. Реформа Никона — это, по своей сути, контрреформация. Протестантство было, безусловно, прогрессивнее католичества, оно дало мощнейший толчок развитию Европы. Основой жизни каждого европейца, его нормой, стал честный и добросовестный труд. У нас же всё произошло наоборот. Пётр пытался что-то переменить и приучить нас к Реформации, но он не поддержал староверов, причём не поддержал по сугубо личным причинам, и в том было его заблуждение. К моменту его воцарения Россия колебалась: ещё можно было повернуть назад — необходимо было соединить энергию Петра с крепостью духа старообрядцев, и тогда мы не имели бы ни бироновщины, ни пугачёвщины, ни восстания декабристов. Если бы Россия была аввакумовской, у нас не было бы семнадцатого года. Мы имели бы совершенно другую страну, обогнавшую весь мир, устойчивую, стабильную и не допустившую, чтобы идея Маркса овладела большей частью её населения и в одночасье была предана православная вера. Ту же ошибку допустили и энергичные люди большевики, боровшиеся с религией и пытавшиеся подменить и без того расплывчатое православие никуда не годным обновленчеством.

Так это или не так, можно только догадываться. Время покажет. Только подумалось: сколько же осталось в России таких вот чудаков-правдоискателей, и Бог знает, как к ним относиться. Так как их горячность, поверхностные суждения, самоуверенность и потрясающее легкомыслие способны увести в любые дебри.

Жизнь всякого народа, всякого человеческого сообщества зиждется на единстве мировоззрения, определяющего моральные, этические и религиозно-нравственные нормы поведения.

Понятно, что столкновение противоречивых, порой взаимоисключающих религиозных вероучений, содержащих

«разноименной» духовный заряд, не могло обойтись без потрясений. Подавляющее большинство войн имело в истории характер религиозный, а такие глобальные военные противостояния, как, например, вооружённая борьба ислама и христианства, длились, то затихая, то вспыхивая вновь, на протяжении веков. К ним относятся и так называемые походы крестоносцев.

Крестовые походы (экскурс)

11–13-й века... Иерусалим... Гроб Господень... Походы «младших сынов». Титулов и земель им не хватало, вот они и... Вот, собственно, и всё...

Обратимся опять к истории.

Крестовые походы 1096–1270 гг. — это военно-религиозные экспедиции западных европейцев на Ближний Восток с целью завоевания святых мест и реликвий, связанных с земной жизнью Иисуса Христа, — Иерусалима и гроба Господня... Но — к сути.

Итак, предпосылки Крестовых походов: традиции паломничества к Святым местам, захват в XI веке турками-сельджуками Сирии и Палестины и, возможно, угроза захвата Византии. Изменение взглядов на войну, которая стала считаться не греховным, а благим делом, если велась против врагов христианства и церкви. (Не здесь ли начало религиозного экстремизма?) Ну а самая большая, можно сказать генеральная предпосылка, разумеется, сугубо материальная, то есть тяжелейшее экономическое положение Западной Европы во второй половине 11-го века. Грубо говоря, жрать было нечего, народ пребывал на грани голодных бунтов, рыцарство тихо зверело от скуки и лени, а на всех базарах рассказывали сказки о богатстве неверных псов, оккупировавших Палестину. То есть, если разобраться, на святое вроде бы дело ребят подвигла обычная мирская суета, зависть и корысть.

26 ноября 1095 г. папа Урбан II призвал собравшихся на поместном церковном соборе в городе Клермон отвоевать захваченный неверными Гроб Господень. Публика папу единогласно поддержала, и тотчас же началось тотальное приготовление к экспедиции.

Взявшие на себя этот обет нашивали на одежду кресты из лоскутов и потому назывались крестоносцами. Добровольцам Крестового похода папа сулил несметные сокровища в Святой земле и райское блаженство в случае гибели, а также им были дарованы довольно ощутимые по тем временам льготы.

Они получали полное отпущение грехов, с них запрещалось на время похода взыскивать долги и феодальные повинности, их семьи оказывались под защитой церкви.

(Всё вроде бы вписывается в общепринятую концепцию. Цель — согласитесь — для общества была более чем благая... Но выходит, что цель оправдывает средства... Это тоже нам Европа подарила...)

В марте 1096 г. начали первый этап Крестового похода (1096–1101) — так называемый «поход бедноты».

Толпы крестьян, с семьями и скарбом, вооружённые чем попало, под руководством случайных вождей, а то и вовсе без них, двинулись на Восток, отметив свой путь грабежами (они полагали, что поскольку они воины божьи, то любое земное имущество принадлежит им) и еврейскими погромами. В глазах европейцев евреи из ближайших городков были потомками гонителей Христа. Раньше на это както не обращали внимания, а тут — поход, сам бог велел, как говорится....

Из 50-тысячного войска Малой Азии достигли всего 25 тысяч, и практически все они погибли в битве с турками под Никеей 25 октября 1096 г. Это, в принципе, было предрешено, т. к. неорганизованный сброд просто физически был не в состоянии противостоять отборным войскам турецкой армии.

Осенью 1096 г. двинулось рыцарское ополчение из разных частей Европы, вождями которого были Готфрид

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru